

- Готов... Ну конечно нет... - Улыбался Клейн, указывая на Энцо.

- Эта перчатка ещё так и не запечатана.

Пока он говорил это, обожжённый солнцем Энцо снял перчатку из человеческой кожи с правой руки левой рукой, на которой были надеты перстни Цветок Крови и Зелёная Эссенция.

То был Всепожирающий Глад.

Обычно Клейн старался отправить Всепожирающий Глад в пространство над серым туманом, когда не пользовался перчаткой. Ведь изначальная её печать после мутации потеряла своё действие. Перчатке ежедневно нужно было пожирать по человеку, а иначе она с удовольствием съела бы носителя. Но учитывая, что Азик уже ответил, было вполне вероятно, что они скоро встретятся. Наконец Клейн решил оставить Всепожирающий Глад в реальном мире и убрать только в том случае, если наступят какие-то необычные обстоятельства.

И всё же Клейн уже представлял себе сцену прибытия мистера Азика. Не хотелось бы, чтобы состоялся такой разговор.

- Ты разве не говорил, что перчатку нужно запечатать?

- Да. Секундочку. Мне нужно в уборную.

Или:

- Ты готов?

Одна только мысль о подобной сцене и диалоге Клейна повергала в неловкость и смущение. Даже если не рассматривать возможность, что мистер Азик поймёт тайну серого тумана, уже одно это повлияет на впечатление о Клейне.

Потому, приобретя новую марионетку и благополучно совершив попытку взгляда на себя, Клейн перенёс Всепожирающий Глад обратно в реальный мир и восполнил пропущенную трапезу.

Ныне носитель был другой - Энцо.

Кроме того, чтобы сдерживать потребность артефакта съедать по человеку в день, Клейн с собой носил несколько каких-то обычных грибов. А ещё держал марионетку на расстоянии не меньше

пяти метров от себя.

Услышав его слова и увидев действия марионетки, Азик кивнул, протянул руку и взял перчатку из человеческой кожи.

Воспользовавшись этой возможностью, Клейн достал из кармана грибы и бросил в ближайшую урну для мусора.

Бах!

Щёлкнул пальцами и поджёг грибы алым пламенем, которое, однако, не затронуло ничего вокруг.

То была его сила Управления Огнём из бытности Иллюзионистом.

Проделав это и увидев, что действие неизбежно привлекло взгляд мистера Азика, Клейн сухо усмехнулся.

- Из-за тогдашних непредвиденных событий артефакт стал немного побаиваться грибов. Я эту его слабость использую для умирения его обычных природных позывов.

В сущности, это действие и не имело особого смысла, поскольку ношение грибов с собой уже умирало Всепожирающий Глад. Оно заставляло изголодавшийся Запечатанный Артефакт тотчас начинать огрызаться, как только грибы исчезали. Если перед перчаткой не было какой-то легкодоступной "еды", то она в итоге начинала помогать врагу.

- Гриб... - Бормотал Азик, держа запятнанную кровью перчатку. Он внезапно навёл на окружающее пространство темноту, перекрыл доступ солнечному свету снаружи.

Прямо из воздуха возникли замогильно-призрачно-белёные и тёмно-зелёные замысловатые символы, метки и узоры. Их словно каллиграфически вывели незримые духи, тени, духовные тела.

Они переплетались в воздухе, образуя таинственную призрачную двойную бронзовую дверь, которая, как казалось, ведёт в другой мир. То был мир глубокий, безмолвный и ужасающий.

Призрачная дверь сжалась и, в конце концов, уселась на Призрачный Голод, отчего с него стремительно ушли кровавые пятна и он стал почти везде белым.

Через несколько секунд эта перчатка из человеческой кожи вернулась к обычному состоянию. Она представляла из себя всё такой же тонкий слой кожи и даже без подавляющего воздействия грибов не выказывала никаких признаков мании или кровожадных порывов.

- Она вновь такая же, как прежде, - Азик передал Всепожирающий Глад Клейну.

- Когда тебя поддерживает как тыл большая шишка - это, конечно, здорово! - рассудил про себя Клейн и от души поблагодарил Азика, после чего надел артефакт на левую руку.

На миг задумался и кое о чём заговорил.

- Мистер Азик, когда я плыл Морем Берсерка, и у меня был при себе ваш медный свисток, мне снился многократно один и тот же сон. Преобладали в нём тьма и холод. В подземной усыпальнице, уходящей вглубь, стояли бесчисленные гробы, в них лежало по покойнику, а на спинах у покойников росли плотные белые перья. Перья эти были запятнаны бледно-жёлтым маслом, а внутри усыпальницы стоял сгусток чёрного тумана, окутывающий всё вокруг. Во сне мы с вами исследовали ту усыпальницу. И что-то там задела, пробудили, отчего чёрный туман стал издавать звуки тяжёлого срывающегося дыхания, и из него потянулись тонкие призрачные чёрные трубки. Я резко вскакивал всякий раз, как сон доходил до этого места. Кажется, это похоже на побочный продукт Проекта "Искусственная Смерть" Зловещего Епископата, что появлялся прежде.

Клейн в подробностях описал гадание с медным свистком, как было во сне, и сделал это ради предостережения мистеру Азику, чтобы не был слишком беспечен. Ведь гадание во сне было в каком-то смысле сродни сновидению как таковому, а Азик знал, что Клейн - Потусторонний пути Провидца. Такая встреча вовсе не была странностью.

Откровения, полученные из обычного сна и добытые гаданием во сне, различались только в том, что одно было пассивно, а другое активно.

Азик молча дослушал Клейна, не перебивая. И в конце кивнул и сказал:

- Это, скорее всего, связано с чем-то оставленным Смертью в Море Берсерка.

- Похоже, в Проекте "Искусственная Смерть" Зловещего Епископата произошли какие-то качественные подвижки.

- Мистер Азик вполне соответствует чину Консула Смерти Четвёртой эпохи. Он ничуть мой сон не умаляет... - Клейн поднял правую руку и потёр ею лицо, превратившись в Германа Воробья.

Затем сказал:

- Мне только одно ещё нужно подготовить. Нужно убедиться, что Адский Адмирал Людвелл не находится в каком-то опасном месте, и вокруг него нет полубогов Зловещего Епископата.

А насчёт того, находится ли ещё на корабле Запонка Мурлока, Клейн не любопытствовал, потому что сможет проверять каждые несколько дней. Он был уверен, что Адский Адмирал

ещё не успел обнаружить этот мистический предмет, или, быть может, уже обнаружил, но сознательно не стал трогать, надеясь устроить засаду безумному искателю приключений Герману Воробью, когда тот наведается.

Азик спокойно отвечал:

– Это можно будет проверить, когда мы приблизимся.

– Хорошо, – Клейн тотчас велел Энцо подойти к вешалке для верхней одежды и достать ему золотую трость.

Видя, что больше ничего нет, Азик протянул правую руку и схватился за плечо Клейна.

Клейн тоже протянул правую ладонь, чтобы схватиться за плечо Энцо.

Цвета вокруг внезапно изменились. Красные оттенки стали краснее, темнее черного. Они накладывались друг на друга, но были яркие и негармоничны.

Двое мужчин и марионетка начали переход через духовный мир, а чёрная трость с золотой инкрустацией танцевала перед ними, указывая, куда делась потерянная Клейном Запонка Мурлока.

И вскоре уже трость упала и повисла в воздухе. Азик отменил путешествие, но они с Клейном остались в духовном мире.

Азик, казалось, к чему-то приглядывается или прислушивается. Через две или три секунды он сказал:

– Никаких проблем нет.

А после повёл Клейна, тот же, в свою очередь, повёл свою марионетку из духовного мира.

Клейн тем временем припомнил, как искал ключи к воспоминаниями Азика. Тогда целью были древние летописи, которыми владела Контр-адмирал Болезней Трейси. Азик тогда сказал: "Проблема не особо серьёзная", но, в конце концов, столкнулся с Вечно Юной Демонессой Катариной...

– Нет никаких проблем... Ну ладно, раз уж ты так говоришь... – Насмехался про себя Клейн, озираясь вокруг.

Обстановка была не слишком-то чужой, огромный корабль, почти весь в тёмных тонах с

призрачно-зелёным оттенком. На нём был флаг с Чёрным Тюльпаном, а ещё были зомби, скелеты, призраки, тени и прочие восставшие из мёртвых существа, и из этих существ кто-то управлял парусами, кто-то патрулировал территорию, кто-то упражнялся в стрельбе из пушек. Всё это доказывало, что, то был флагманский корабль Чёрный Тюльпан Адского Адмирала.

В отличие от предыдущей встречи, на Чёрном Тюльпане было довольно немало живых Потусторонних.

Капитан его, в серебряной маске, с необычайных размеров рапирой, в роскошном кителе, рубахе с рюшами и треуголке с белым черепом, Адский Адмирал Людвелл, стоял у выхода из каюты и смотрел наружу.

Вдруг чёрный перстень на правой руке Людвелла задрожал и зыбко замерцал.

Бледно-белесое пламя зазыблилось в глазах надменного пиратского адмирала и, наконец, сузилось до своих пределов.

Людвелл тут же согнулся и пал ниц перед Азиком Эггерсом и поцеловал палубу под взглядами множества глаз, остекленевших, изумлённых или безжизненных.